

Лексема «волость» в нижегородских источниках XVI–XVII вв. (Опыт историко-семантического анализа)

Волость; община; Нижегородское Поволжье; метонимия; неопределенность (vagueness); лексико-семантический архаизм.

В статье представлены результаты историко-семантического исследования лексической единицы «волость» на широком круге источников XVI–XVII вв., относящихся к Нижегородскому Поволжью. Изучение контекстно-зависимых значений в динамике подтвердило гипотезу об эволюции содержания данного понятия.

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» приведены следующие значения лексемы «волость»: 1) «власть, господство»; 2) «область, находящаяся под одной верховной властью (княжение, удел и т.п.)»; 3) «сельская территориально-административная единица, волость; население волости» [12, с. 9]. Примеры из текстов XVII в. в словарной статье отсутствуют. Соответственно, не нашла отражения и существующая в историографической традиции презумпция о том, что лексема «волость» могла иметь значение «сельская крестьянская общность», «община-волость» [3, с. 93-97; 4, с. 80; 16, с. 24]. Сведения о «волостях» Нижегородского Поволжья неоднократно привлекались при изучении проблем аграрной истории, сельского расселения, исторической географии, однако попытка историко-семантического исследования лексемы «волость» на нижегородских материалах XVI–XVII вв. предпринимается впервые².

Целью исследования было определение семантики, выявление контекстно-зависимых значений лексической единицы «волость». Полученная картина ее употребления в актах, прежде всего жалованных, правых, «сотных» грамотах, в материалах делопроизводства, в том числе в указных грамотах и судных списках, в писцовых, дозорных, межевых, отказных и отдельных книгах, в «платежницах», в монастырских хозяйственных книгах и переписке в целом позволяет, как кажется, довольно полно судить о ее возможных коннотациях.

Для нижегородского Поволжья самым ранним актом с упоми-

¹ Соколова Наталья Викторовна, МГУ имени М.В. Ломоносова, Институт славяноведения РАН (РФ, Москва), к.и.н., natalia_sokolova@outlook.com.

² О семантике понятия «волость» применительно к более раннему периоду см. работы А.А. Горского и А.П. Толочко [2, с. 9-32; 14, с. 151-162, 166, 169].

нением «волости», вероятно, следует считать жалованную несудимую грамоту Василия III Ивановича (1505-1533) Амвросиеву Дудину монастырю на деревни в *Коршевской волости*, содержание которой реконструируется по тексту жалованной грамоты царя Федора Ивановича от 6 января 1586 г. [6, № 48, с. 66-67]³ 25 апреля 1560 г. Дудин монастырь получил жалованную грамоту Ивана IV Васильевича на оброчную бортную деревню Тредворицы в соседней *Селейкинской волости*⁴. Коршевская и Селейкинская волости источниками XVII в. уже не фиксируются. Согласно межевым книгам Г.И. Заболоцкого и дьяка Т.М. Дубровина (1562 г.)⁵, вотчина монастыря граничила, в основном, с землями помещиков, что позволяет предположить, что волости прекратили существование в результате поместных и вотчинных раздач. Весьма лаконичные сообщения актов с использованием лексемы «волость» зачастую не могут служить для определения ее семантики.

В документах писцового делопроизводства материала для семантического анализа больше. Среди них особое место занимают сохранившиеся в копии XVIII в. «Книги Зауольской волости и Богородецкой писцов Михаила Жедринского да Карпа подьячего лета 7041-го августа в день» [10, с. 119-169]. Есть основания предположить, что протограф представлял собой фрагмент подлинных писцовых книг М.А. Жедринского и подьячего Карпа Игнатьева. Изначально рукопись, по-видимому, содержала описания Балахны и ее округа на правом берегу Волги, а также левобережья – от р. Узолы до р. Везломы. Но на определенном этапе своего бытования она была «расширена», о чем свидетельствуют как заголовки (с явными анахронизмами), так и содержание документа. Атрибуция его при публикации как «сотной грамоты» Узольской волости ошибочна.

Отметим, в частности, что в «Узольскую волостью» для писцов явно не входило «селцо Спаское в *Узольской слободе* ... Дмитриеево з братьею Семеновых детей Перепечина», которые оброк собирали «на себя», а не на великого князя⁶. Земли, которые отдаются новым держателям на льготу, также отнесены ими к «*Узольской слободе*». Судя по упоминаемым в тексте «межам», по крайней мере часть из них «инфильтрирована» в ранее освоенные земли «волости», т.е. в

³ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 7977; Д. 8184. Л. 15–19.

⁴ Там же. Д. 8184. Л. 44–47 об.

⁵ Там же. Оп. 14. Д. 8449. Л. 1–8.

⁶ В писцовой книге 1558/1559 г. сельцо Спаское названо бывшей «вотчиной Перепечиных» [11, с. 143].

рамках дихотомии «волость» – «слобода» обе лексемы не имели значения «территория»⁷. Иными словами, привычное для узуса XIX–XX вв. значение «сельская административно-территориальная единица» в данном случае очевидно не приемлемо – требуется иной семантический вариант.

Если понимать текст писцовых книг буквально, «волостью» является совокупность деревень и починков, которые платят великокняжеские оброки, включая и те, что имели на момент описания «льготу», но в ходе его были «досрочно» пооброчены («А се деревни Узольские ж волости, которые льготы не отсидели, а оброку давать с тех деревень впервые лета 7042-го»). Единицей описания (и обложения) была деревня, для которой указан совокупный оброк (медом или денежный). Кроме того, волость платила «дворецкого и ключничьи пошлины и записного стола оброк». Держателями земель выступали «бортники» и «оброчники», причем оброчные деревни еще не выделены в отдельную группу, хотя уже в середине XVI в. они составляют особую категорию государственных земель [9, с. 579]. Наряду с крестьянами-земледельцами держателями оброчных деревень выступают жители Балахны. Таким образом, «волость» в 1530-х гг. представляла собой социально гетерогенную общность. В источнике присутствуют лишь некоторые косвенные признаки самоорганизации ее жителей.

В сотной грамоте 1560 г. с писцовых книг 1558/1559 г. Ю.Г. Мещерского и М.И. Ростопчина Узольская волость по-прежнему не названа дворцовой («волость Узола, а в ней царя и великого князя села и деревни дворцовые»). В источнике отчетливо проявляется (вероятно, как следствие земской реформы) «территориальный» аспект значения лексемы «волость». Запустевшие «от Казанской войны» земли, которые вновь отдаются «на льготу», по мнению писцов, уже являются частью «волости». Заметен он и в описании промысловых угодий («В Узольской же волости реки и озера рыбные и бобровые гоны...») [11, с. 120, 140, 149]. Сопоставление книг 1530-1550-х гг. и выписи на Заузольскую волость из писцовых книг Т.И. Хлопова и дьяка Семена Суморокова (1590/1591 г.) позволяет проследить процесс складывания крестьянской «общины-волости» на землях дворцового ведомства [13].

В сохранившихся в списке XVII в. дозорных книгах дворцовых

⁷ По мнению С.В. Сироткина, «Заузольская волость Балахнинского уезда... в XVI в. чаще именовалась Узолою или Узольскою волостью, а прежде – Узольской слободой» [11, с. 115].

владений Нижегородского у. В.Ф. Борисова и подьячего Третьяка Аврамова (1587/1588 г.) все три случая использования лексемы «волость» приходятся на один лист, где размещены итоговые данные текущего описания «Матюшевской волости» и сведения о ней из приправочных книг (с книг письма и дозора Петра Бурунова 1577/1578 г.)⁸ [1, с. 5-76]. В нижегородских отказных и отдельных книгах конца XVI в. к Матюшевской волости добавились Кожуховская, Шахмановская, Сосновская⁹, а также Мурашкинская и Лысковская в Курмышском у. Лексема «волость» используется здесь в типовых формулах с именами крестьян, участвовавших в отводе или межевании («Кожуховские волости бортники...», «Да старожилец Шахмановские ж волости крестьянин...», «Шахмановские волости деревни Курашкины крестьянин...»). Неоднократны упоминания «волости» во взаимосвязи с приходом («Спаской поп Онтон Шахмановские волости», «Сосновские волости Фроловской поп Филип Петров сын»). Таким образом, «волость» здесь уже не совокупность деревень, а некая общность людей, население определенной территории, как правило, совпадавшей с церковным приходом. Источники фиксируют существование мирских выборных – старост, «губного соцкого», десятского, а также института круговой поруки внутри «общины-волости» [1, с. 228, 234, 239-240, 259, 260-261, 274, 308, 399]. Новеллой отказных и отдельных книг стало применение лексемы «волость» не только к коронным владениям, состоящим из некоторой совокупности деревень, где центром округа был погост, но и к дворцовым селам с тянувшими к ним деревнями. В приобретении лексемой «волость» – вследствие метонимии – нового значения заметную роль, по-видимому, сыграла гомогенизация населения, которое становится по преимуществу крестьянским.

В царских указных грамотах, на основании которых эти отказы и отделы проводились, как и в самих книгах, лексема «волость» встречается также в составе устойчивой формулы: «А велели ему, взяв с собою тутошних и сторонних попов и дьяконов, и старост, и целовальников, и крестьян, сколько пригоже... сыскати всякими сыски накрепко... ныне та деревня порозжа ль, наперед сево кому не отдана ли и к нашим дворцовым селам, и к черным волостям, и к оброчным деревням, и к ямским слободам не приписана ли» [1, с. 136, 155 и др.⁷ №

⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7514. Л. 1–83.

⁹ Это «бортники Кожуховские», села Шахманово и Сосновское с тянувшими к ним деревнями дозорных книг 1587/1588 г.

3, 4, 7, 69, 122, 163]. В данном перечне категорий земель, различающихся по своей социальной принадлежности и финансово-податному статусу, понятие «дворцовые села», видимо, «поглощало» и существовавшие *de facto* дворцовые волости. Однако, и возникающие ассоциации с другим перечнем, из княжеских/царских духовных, вероятно, не случайны: «Да сына же своего Ивана благословляю великим княжеством Нижегородским, даю ему Новгород Нижней *с волостми, и с путми, и с селы*» [5, № 104, с. 437]. Как представляется, именно «пути», очевидно отличающиеся не только от черных волостей, но и от «сел» как личных владений князей, исторически были основой формирования дворцовых «волостей», аналогичных Узольской. Применительно к Нижегородскому Поволжью речь идет, прежде всего, о деревнях великокняжеских бортников как части «чашнича пути» [15].

Изменения происходят не одномоментно, следствием чего являлись переходные состояния, которые можно охарактеризовать как *семантическую неопределенность*. Так, в нижегородской платежнице 1607/1608 г. зафиксировано уже более двух десятков волостей, в том числе Вельдемановская, Лекеевская, Лукинская, Поповская, Толоконцевская, Княгининская, восходящие к дворцовым хозяйственным комплексам дозорных книг 1587/1588 г., а также Белгородская. Однако в платежнице 1611/1612 г. ряд из них вновь отсутствует. Анализ показал, что лексема «волость» нередко не употребляется в «титульной» записи того или иного дворцового комплекса, поскольку при создании новой платежницы за основу брали писцовые или дозорные книги, но содержится в части, касающейся более изменчивых оброчных статей, и в разного рода «дописках». Как оказалось, в данном случае лексема «волость» появляется в записях об индивидуальных платежах (государственных налогов или «владельческой» ренты) крестьян, земельное держание которых «вышло из льготы в нынешнем во 116-м году», в связи с необходимостью «привязать» их к ранее внесенной их «волостью» сумме [8, с. 3, 5, 97].

Согласно нижегородским писцовым книгам Д.В. Лодыгина, В.И. Полтева и дьяка Дементия Образцова в 1620-х гг. значительная часть земель дворцовых волостей оказалась в руках новых владельцев, на поместном или вотчинном праве [7, с. 556-824]. В результате дробления дворцовых хозяйственных комплексов исчезает из употребления и лексема «волость». Другие же были отданы целиком в одни руки, и еще довольно долго назывались волостью¹⁰. Царские пожалования в

¹⁰ А.А. Давыдова вводит термин «волость-владение» для случаев, «когда во-

вотчину без права наследования, как это случилось, например, с Белогородской волостью, в результате неоднократно в XVII в. возвращавшейся в дворцовое ведомство, приводили не только к сохранению лексемы «волость» в названии, но и к определенной консервации системы управления и социальной структуры. Появление в XVII в. новых «волостей», во владениях патриарха (Ярымовская, Скоробога-товская, Спасская), было обусловлено сходством системы управления и делопроизводства Приказа Большого Дворца и патриаршего Дворцового приказа. Приведенные примеры использования лексемы «волость» в XVII в. – это явный лексико-семантический архаизм, когда слово продолжает существовать в языке, но обозначает уже совсем иной предмет или явление.

1. *Анпилогов Г.Н.* Нижегородские документы XVI века (1588-1600 гг.). М., 1977.
2. *Горский А.А.* Земли и волости // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008.
3. *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937.
4. *Давыдова А.А.* Пространственно-демографические изменения и особенности структуры расселения Нижегородского уезда в конце XVI – XVII вв. Дисс. ... к.и.н. Нижний Новгород, 2005.
5. ДДГ. М.; Л., 1950.
6. Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып. 3. Грамоты Коллегии экономии по Арзамасскому, Балахнинскому и Нижегородскому уездам. Ч. I. (1498-1613 г.) / Под ред. А.К. Кабанова // Действия НГУАК. Т. XIV. Отд. III. Нижний Новгород, 1913.
7. Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века / Сост. А.В. Антонов, А.А. Булычев, В.А. Кадик, С.В. Сироткин. М., 2015. Ч. 1.
8. Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. // Смутное время Московского государства 1604-1613. Материалы, изданные Императорским обществом истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1910. Вып. 7.
9. ПРП. М., 1956. Вып. 4.
10. *Сироткин С.В.* Сотная 1533 г. на Узольскую волость Балахнинского уезда // Очерки феодальной России. М., 2002. Вып. 6.
11. *Сироткин С.В.* Сотная 1560 г. с писцовой книги 1558/59 г. на Узольскую волость Балахнинского уезда // Очерки феодальной России. М.;

лость представляла собой не совокупность дворцовых владельческих населенных пунктов, а полностью принадлежала одному вотчиннику, т.е. была владельческой» [4, с. 110]. Предлагаемая дефиниция вызывает искреннее недоумение по поводу того, что исследовательница вкладывает в понятия «владение» и «владельческий».

- СПб., 2016. Вып. 19.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 3.
 13. *Соколова Н.В.* Община и мирское самоуправление в Заузолской волости во второй половине XVI в. // Городецкие чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Александр Невский и его эпоха». Городец, 20-23 марта 2000 г. Городец, 2000. Вып. 3.
 14. *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992.
 15. *Флоря Б.Н.* «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных славян // Отечественная история. 1992. № 2.
 16. *Чеченков П.В.* Нижегородский край в конце XIV – третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород, 2004.